

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/26-41

Научная статья

© *И. В. Севастьянов*

**«КРЕЩЕННЫЕ ТАТАРЫ» ИЛИ КРЯШЕНЫ:
СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Статья посвящена сравнительному рассмотрению особенностей трансформации этнической и этноконфессиональной идентичностей у тюркоязычных этно-локальных групп Урало-Поволжья (кряшены, нагайбаки) и Саяно-Алтайского региона (хакасы, телеуты, кумандинцы, тубалары, шорцы) на историческом временном отрезке от рубежа XIX–XX вв. до начала XXI в. Все перечисленные группы до недавнего прошлого так или иначе ассоциировались с категорией «крещеных татар» по причине их православного вероисповедания и преобладающего тюркоязычия. Советская национальная политика по отношению к названным этническим сообществам привела в разных ареалах традиционного проживания «крещеных татар» к несходным результатам. Наблюдаемые в постсоветский период процессы в их среде представляют собой примеры как устойчивого сохранения внутреннего единства, так и стремления к достижению статуса отдельного народа. Анализируется роль конфессионального фактора в указанных трансформациях и историческая специфика этнокультурного развития рассматриваемых в статье этнических сообществ.

Ключевые слова. *«Крещеные татары», кряшены, нагайбаки, Урало-Поволжье, саяно-алтайский регион, тюрки, православие, ислам, национальная политика*

Ссылка при цитировании: *Севастьянов И. В. «Крещеные татары» или кряшены: советская национальная политика и проблема самоопределения тюркоязычных этнических групп Волго-Уральского региона в сравнительном освещении // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 26–41.*

Севастьянов Иван Владимирович — к. и. н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: rushd-al@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19–09–0482А

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/26-41

Original Article

© Ivan Sevastyanov

“BAPTISED TATARS” OR KRYASHENS: SOVIET ETHNIC POLICY AND THE SELF-IDENTIFICATION OF TURKIC-SPEAKING ETHNIC GROUPS IN THE VOLGA-URAL REGION COMPARED WITH THE ALTAI-SAYAN REGION

The article compares the different patterns of the transformation of ethnic and confessional identities among the Turkic-speaking local ethnic groups of the Volga-Ural (Kryashens, Nağaybäks) and the Altay-Sayan (the Khakas, Teleuts, Kuman-dins, Tubalars and Shors) regions between the 19th-20th and the beginning of 21st centuries. Until recently all the mentioned groups had been associated with “baptised Tatars” due to their Orthodox religion and Turkic languages. The Soviet ethnic policy towards these groups led to dissimilar results in different regions. In the post-Soviet period, they demonstrate both examples of sustainable preservation of internal unity and certain separatism. The article analyzes the role of confession in these transformations and the ethnic-specific development of the studied groups throughout history.

Keywords: “Baptized Tatars”, Kryashens, Nagaybaks, Volga-Ural region, Altai-Sayan region, Turks, Orthodoxy, Islam, national politics

Author Info: Sevastyanov, Ivan V. — Ph.D. in History, Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: rushd-al@yandex.ru

For citation: Sevastyanov, I. V. “Baptized Tatars” or Kryashens: Soviet Ethnic Policy and the Problem of Self-identification of Turkic-speaking Ethnic Groups in the Volga-Ural Region Compared with the Altai-Sayan Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 4: 26–41.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19–09–00482A.

Проблематика представленной работы определяется прежде всего вопросом трансформаций идентичности, затронувших в XX столетии ряд этнических сообществ, известных, в целом, под именем «татар». Современные исследователи совершенно обоснованно отмечают, что на территории еще дореволюционной России «татарами» обозначали довольно большое количество мало связанных между собой и имеющих разную историю формирования этнических групп (Соколовский 2004: 51). На это обращалось внимание еще в дореволюционных научных изданиях и отдельных публикациях. Об этом говорится, например, в таком авторитетном на тот момент издании как многотомный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (См. главу «Татары»). Согласно данной энциклопедии, само понятие «татары» является «чисто собирательным именем для целого ряда народов монгольского

и, главным образом, тюркского происхождения, говорящих на тюркском языке и исповедующих коран» (*Брокгауз, Ефрон* 1901: 671). Можно также в качестве примера привести работу Н. В. Никольского «Крещенные татары: статистические сведения за 1911 год» (*Никольский* 1914). Здесь под «крещеными татарами» подразумеваются не только «старокрещенные татары» Казанской губернии (т. е. *кряшены*), но и томские телеуты, а также различные тюркоязычные этнические группы южной Сибири известные ныне как хакасы и шорцы. Это, опять же, свидетельствует о чисто собирательной по своей сути трактовке термина «татары», господствовавшей в то время.

Как уже говорилось выше, практически все из указанных групп были тюркоязычны; большинство принадлежали к мусульманской религии, но были среди них (что следует из предыдущего абзаца) и исповедовавшие христианство православного толка. Площадь расселения последних спорадическими анклавами простиралась на огромное расстояние от Среднего Поволжья до Южной Сибири. Те, которые населяли регион Среднего Поволжья были известны как «старокрещенные татары» или *кряшены*. На Южном Урале, на востоке тогдашней Оренбургской губернии (сейчас территория Челябинской области), проживали т. н. «уфимские новокрещены» или *нагайбаки*. В православие были в значительной степени обращены тюркоязычные этнические группы юга Сибири («кузнецкие», «минусинские», «лебединские», «черневые» татары).

Несколько забегая вперед, следует сказать, что обрисованная выше в самых общих чертах этническая ситуация не отличалась статичностью и уже во второй половине XIX в. тут стали намечаться серьезные изменения. Анализ этих изменений и проблема выбора подходящего для этой цели теоретического подхода, будет занимать существенное место в настоящей статье. Сами исследовательские задачи этой работы будут основываться прежде всего на историко-сравнительном подходе, поскольку сама тематика в данном случае отличается довольно большим географическим и этнокультурным разбросом (хотя основной фокус нашего внимания будет сосредоточен на Урало-Поволжском регионе). В свою очередь на теоретическом уровне мой исследовательский подход будет в значительной степени определяться теми научными течениями в области гуманитарного знания, которые принято отождествлять с *конструктивизмом* и *инструментализмом*. В частности, особое внимание здесь будет обращено на проблему применимости инструменталистского подхода к интересующим нас вопросам этнического самоопределения, процессам конвергенции и дивергенции этнических общностей.

Между тем, само понимание этих теоретических подходов может сильно разниться в зависимости от интерпретаций указанных направлений научной мысли теми или иными специалистами, чье влияние можно считать основополагающим в своих областях. Так, версия конструктивизма, характерная для подхода постструктуралиста Мишеля Фуко может быть отнесена скорее к радикальным интерпретациям этой теории, на что указывает современный американский философ Кен Уилбер (*Уилбер* 2009: 106–107). С ним в этом отношении согласен известный отечественный антрополог и культуролог Л. С. Клейн, указывающий на «языковой детерминизм» присущий философским взглядам М. Фуко. (*Клейн* 2004: 598–599). В то же время существуют умеренные версии названного теоретического подхода. Как указывает тот же Кен Уилбер, «умеренный конструктивизм» присущ в том числе и марксистской традиции научной мысли (*Уилбер* 2009: 107). Согласно данному теоретическому под-

ходу «конструирование» тех или иных социальных явлений происходит в конечном счете благодаря объективному историческому процессу. К этой традиции во многом примыкает как исследователь французский социальный антрополог Пьер Бурдьё. В этом плане важна разработанная им теория «габитуса», призванная объяснить динамику социальных явлений в их историческом развитии и сгладить противоречия в вопросе взаимодействия факторов «отражения» и «творчества» в сфере гуманитарных явлений (Бурдьё 2001).

При анализе таких явлений как формирование национальностей (если использовать специфическую отечественную терминологию) и «этносов» в эпоху «модерна» (рубеж XIX–XX и XX вв.) такого рода подходы, в частности те, что относятся к умеренно конструктивистским, представляются наиболее подходящими в данном случае. Это подтверждается, в частности, успешной апробацией указанного теоретического подхода при написании и защите мной диссертации на тему этнокультурной идентичности кряшен двух разных этнографических групп (молькеевской и заказанской) в сравнительном контексте. Тема названной диссертации непосредственно связана с проблематикой настоящей статьи поскольку посвящена формированию и развитию этнической идентичности групп татароязычного населения Урало-Поволжья, исторически ассоциировавшегося с «крещеными татарами».

Впрочем, если затрагивать тему апробации и проверки получаемых в ходе исследования выводов, то здесь мы сталкиваемся с проблемой практики как главного критерия верификации научных данных, получаемых в ходе исследовательской работы. О первостепенной значимости названного критерия для научных исследований пишут современные специалисты в области теоретической методологии (Стёпин 2015: 62–69). В то же время здесь нельзя забывать о разнице между гуманитарными и «естественно-научными» дисциплинами. В сфере гуманитарных дисциплин, как известно, возможность научного эксперимента крайне сужена, а зачастую (если речь касается исторических изысканий) вообще отсутствует. Т.о. всевозможные историко-этнографические исследования, в силу свойств своего предмета изучения, оказываются за скобками того, что называют экспериментальной наукой.

В нашем же случае остается лишь внимательно и насколько возможно объективно изучать опыт того, что называют «изобретением» наций и народов (или «этносов»). В этом отношении проблема самоопределения этнических сообществ, традиционно ассоциировавшихся с «татарами» как собирательным названием, и относящихся в настоящее время к разным народам преимущественно тюркской языковой принадлежности, является весьма показательным примером. Неоднородность вышеупомянутых сообществ в религиозном отношении (о которой говорилось выше) только увеличивало этнокультурную пестроту этого конгломерата.

В этой связи следует указать на то, что тематика настоящей статьи тесно связана с т. н. «кряшенским вопросом» под которым обычно понимают проблему этнического самоопределения кряшен в Республике Татарстан. Сущность этого вопроса во многом определяется стремлением сохранить свою этнокультурную самобытность со стороны наиболее активной части кряшенского сообщества. Такого рода движение наталкивалось на весьма сложное и двойственное отношение со стороны местного политического руководства. Кроме того, следует пояснить, что эти противоречия сильно увязаны на том, что кряшены, являясь преимущественно православными по своей религиозной принадлежности, составляют единое языковое сообще-

ство с татарами-мусульманами. Именно по этой причине кряшены многим видятся как часть одного с ними этноязыкового массива. Эта ситуация и стала причиной споров по поводу «национальной принадлежности» представителей данной этноконфессиональной группы, правомерности признания их «отдельным» тюркоязычным народом, имеющим «самостоятельный» этнический статус. Вопрос этот остается сильно политизированным и в наше время, порождая напряженные дискуссии по крайней мере на академическом уровне.

Основная часть кряшенского населения, как и их непосредственные предки, «старокрещеные татары», расселена в пределах Республики Татарстан (в дореволюционное время — территория Казанской губернии), хотя отдельные анклавные территории есть в соседних Башкортостане и Удмуртии. Т. о. основной ареал их проживания к настоящему времени остался в тех же пределах, что и в позапрошлом веке (*Уразманова, Халиков 1993*).

Следует отметить, что уже в постсоветское время заявлять о себе как об особом народе и требовать для себя самостоятельного «этнического статуса» стали не только кряшены. Сходные процессы с начала 1990-х гг. набирают силу в среде близких к кряшенам по своему происхождению и культуре нагайбаков, а также малочисленных тюркоязычных народов саяно-алтайского региона: телеутов, кумандинцев, тубаларов.

Если взять, например, нагайбаков, в советское время официально считавшихся частью «татарской нации», то сейчас они находятся несколько в иной ситуации, чем кряшены. В настоящее время нагайбаки входят в Перечень коренных малочисленных народов России. При этом определенная противоречивость в экспертно-академической трактовке их статуса все же дает о себе знать. Т. е. с одной стороны нагайбаки признаны в РФ отдельной «этнической единицей», с другой стороны — некоторые эксперты, в основном связанные с Республикой Татарстан, продолжают настаивать на принадлежности данного «малого коренного народа» к общности волго-уральских татар. Эту точку зрения отстаивает Д. Исхаков в своей статье «Нагайбаки», написанной для Большой российской энциклопедии (*Исхаков и др. 2012: 654*).

В то же время на самостоятельную, особую от татар этническую идентичность, в частности, кряшен указывают такие специалисты по современной этнорелигиозной ситуации в России как, например, О. Е. Казьмина (*Казьмина 2009: 153*). О сходной позиции по «кряшенскому вопросу» таких известных отечественных этнологов как П. И. Пучков и С. А. Арутюнов говорится в книге С. В. Соколовского «Кряшены во всероссийской переписи населения 2002 г.» (*Соколовский 2004: 107, 109, 113*). О крайне важной роли православия, как основной религии кряшен, в процессах воспроизводства и поддержки их этнокультурной идентичности пишет в своей диссертации, посвященной «кряшенскому вопросу» в Республике Татарстан, В. В. Илизарова (*Илизарова 2013: 20*).

В данной статье проблема этнического самоопределения кряшен рассматривается в сравнительном контексте аналогичного самоопределения относительно малочисленных этнических сообществ (преимущественно тюркоязычных), проживающих на территории от Среднего Поволжья до Южной Сибири, и еще в начале XX в. так или иначе отождествлявшихся с «крещеными татарами». Следует пояснить, что указанный термин исторически отличался значительной расплывчатостью и собирательностью, поскольку с «крещеными татарами» иногда ассоциировались некоторые этнические группы, не относящиеся к тюркам (например, удмуртоязыч-

ные бесермяне) (Попова 1997: 3–4). При этом собственно кряшен можно считать одним из наиболее крупных и по-своему влиятельных (еще начиная с рубежа XIX–XX вв.) этнических (этноконфессиональных) сообществ, относившихся к категории «крещеных татар». Говоря о «влиятельности», здесь следует указать на тот факт, что первые священники-миссионеры из числа «крещеных татар» были выходцами из кряшенской среды; наиболее яркий пример — Василий Тимофеев, известный соратник Н. И. Ильминского в его миссионерской деятельности. Также есть примеры миссионерской деятельности кряшенских священников в среде нагайбаков и западносибирских татар, о чем еще будет сказано ниже.

Если попытаться взять данную проблему в исторической ретроспективе, то мы увидим, что наиболее заметно тенденции к «этническому» самоопределению в среде рассматриваемых сообществ стали проявляться примерно на рубеже XIX–XX вв. параллельно с общим процессом постепенной модернизации общественной и экономической жизни Российской Империи в то время. Причем, насколько можно судить, раньше всего названные тенденции начали проследиваться именно у кряшен, чья интеллигенция, сформировавшаяся во второй половине XIX в. благодаря просветительской деятельности православной миссии в Поволжье, открыто заговорила о своей принадлежности к особому народу «крещёнам» (т. е. кряшенам) в первые годы XX столетия (Григорьев 1906).

Помимо собственно кряшен с «крещеными татарами» в начале XX в., насколько мы можем судить из письменных источников, ассоциировались также «абаканские турки» (иначе «минусинские татары») — будущие хакасы (Никольский 1914), христианизированные группы западносибирских татар (омские, тарские), «кузнецкие татары» (шорцы). Среди обращенных в христианство татар Западной Сибири вел миссионерскую работу священник кряшенского происхождения о. Ефрем (Елисеев), возглавивший в 1900 г. Противомусульманскую миссию при Тобольской епархии (Елисеев 1902). Характерно, что при всех этих обстоятельствах православные западносибирские татары никогда не назывались кряшенами (при том, что это наименование явно происходит от слова «крещёный»), а христианизация лишь способствовала их довольно быстрому обрусению. Напротив, устойчивым сохранением своей этнокультурной самобытности отличались нагайбаки, изначально этносословная группа, входившая в состав уральского казачества, близкая к кряшенам по происхождению и языку. Специалисты указывают на то, что до XX в. во всех публикациях российских исследователей нагайбаки обозначаются как «крещенные татары» (Атнагулов 2015: 135). При этом их самоназвание на родном языке до сих звучит как «керэшиэннэр», т. е. «кряшены» (Атнагулов 2015: 11). Характерно, что формированию у нагайбаков особого этнического самосознания, как и в случае с кряшенами, способствовала деятельность православных миссионеров (в т. ч. из числа кряшен) на рубеже XIX–XX вв. (Белоруссова 2019: 66). Стремление этой группы «старокрещеных татар-казаков» к своему самоопределению в качестве особой «народности» явным образом проявилось уже после 1917 г.

При этом известны некоторые примеры открытых выступлений за свое этническое самоопределение отдельных представителей рассматриваемых здесь тюркоязычных сообществ и в других регионах Российской Империи, за пределами Урало-Поволжья, еще до 1917 г. Определенные попытки борьбы за «национальные» права имели место среди предков современных хакасов во время первой русской револю-

ции 1905 г. (Функ, Томилов 2006: 542), что вполне можно считать началом консолидации данного этнического сообщества.

После 1917 г. и установления на территории бывшей Российской Империи советской власти пути развития упомянутых здесь народов (или этнических групп) начинают заметно расходиться. Впрочем, в первые годы советской власти их дальнейшие судьбы были еще не столь очевидны. Как известно, первая, проведенная в СССР всеобщая перепись населения 1926 г. выявила около 100 тыс. человек, назвавших себя кряшенами (Соколовский 2004: 61). Стали открываться особые кряшенские школы, техникумы, периодические издания. Проходили кряшенские «рабоче-крестьянские красноармейские съезды», на которых провозглашались такие лозунги как «да здравствует свободная самостоятельная нация Кряшен» (Всероссийский 1921: 40). В данном документе можно встретить и такие термины как «народность кряшен», «кряшенский язык» (Всероссийский 1921). Все это свидетельствовало о росте «национального» самосознания в среде наиболее активных и образованных представителей кряшенского сообщества и все активнее проявлявшемся у них стремлении к этническому самоопределению как важной цели дальнейшего развития своего народа.

Во многом сравнимые с вышеприведенными процессы наблюдались в среде другого тюркского этнического сообщества, проживавшего на территории Южной Сибири, в Минусинском крае, и до революции также ассоциировавшегося с «крещеными татарами», а после 1917 г. известного как хакасы. Это новое имя, объединившее прежних качинцев, кызыльцев, сагайцев, бельтиров, койбалов (основные этно-локальные группы хакасов), было довольно быстро воспринято местным тюркоязычным населением. Об этом опять же свидетельствует Всесоюзная перепись населения 1926 г., когда подавляющее большинство прежних «минусинских татар» была обозначена в переписных листах как «хакасы», а записавшихся качинцами, кызыльцами и т. п. оказалось менее 300 человек (Всесоюзная перепись 1928: 201–209). Все это свидетельствует об успешной этнической, произошедшей за весьма короткое время и, видимо, вступившей в завершающую фазу с образованием Хакасской автономной области (ХАО) в 1930 г.

Между тем, как раз в 30-е годы окончательно возобладала политика по объединению кряшен с «социалистической татарской нацией». Новый курс на «укрупнение» и «слияние» этнических категорий статистического учета не позволил кряшенам оформиться в самостоятельную «национальность» или «народность», в качестве которой они были зафиксированы в переписи 1926 г. Советская идеология и общественная наука не признавали религию в качестве этнообразующего фактора, традиционная религиозная специфика того или иного народа в стране, где атеизм был одной из составляющих главенствующей политической идеологии, не рассматривалась как что-то существенное. Позже, во время последующих Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. кряшенское население СССР учитывалось в числе татар и официально считалось исключительно татарами (Брук 1986: 145).

Сходным образом складывалась в то время и судьба нагайбаков. Так, если Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала нагайбаков в качестве отдельной «народности», в 30-е годы в их отношении началось форсирование политики татаризации (Белоруссова 2019: 68). Соответственно, во всех последующих советских переписях населения нагайбаки учитывались как татары «по национальности».

Другим примером попытки конструирования новой «социалистического» народа через консолидацию близко проживающих в одном из регионов Южной Сибири тюркоязычных этнических групп можно считать попытку создания единой «алтайской народности» в рамках Ойратской автономной области (1922 г.), позже, в 1948 г., переименованной в Горно-Алтайскую АО. В рамках проводимой в этом регионе национальной политики с этническими сообществами Южного Алтая (алтай-кижи, теленгиты) должны были объединиться в единую «алтайскую народность» т. н. «северные алтайцы»: кумандинцы (самоназвание — «тадар»), челканцы и тубалары, известные до революции как «черневые татары» (Радлов 1989: 214–215). Последние этно-локальные группы, в отличие от алтай-кижи и теленгитов, благодаря деятельности Алтайской миссии и близкому соседству с численно преобладающим русским населением все больше оказывались в орбите влияния Православной церкви и земледельческой культуры сибирского крестьянства. То же самое можно сказать и о телеуцах, живущих по большей части к северу от Горного Алтая и, опять же, нередко использующих этноним «тадар» (т. е. «татары») в качестве самоназвания (Функ 2005: 12).

Все вышеприведенное этническое разнообразие было отражено во Всесоюзной переписи 1926 г., однако позже властями СССР был взят курс на «слияние» многих малых народов в более крупные «национальные» единицы или их «объединение» с более многочисленными этносами. Так и рассматриваемые малочисленные «народности» Алтае-Саянского были объединены в единый народ — алтайцев (Брук 1986: 145). Т. о. и здесь можно говорить о попытке извне сформировать для указанных этнических сообществ (населяющих северную часть Алтая) новую «общеалтайскую» идентичность, призванную заменить прежнюю довольно собирательную и условную по своему характеру принадлежность к «татарам» с православным вероисповеданием. Условность эта может объясняться тем, что, вероятнее всего, применявшееся к данным этно-локальным группам название «татары» обязано своим появлением русским, по старой привычке применявшим это обобщенное название ко многим тюркоязычным народам, с которыми им приходилось непосредственно сталкиваться.

Так, например, самоназвание «татары» было характерно и для предков шорцев, малого коренного народа саяно-алтайского региона, который благодаря усилиям проповедников Алтайской миссии был приобщен к Православию в XIX столетии. До революции ни были известны также как «кузнецкие», «мрасские татары». При советской власти, на рубеже 40-х — 50-х годов, имели место попытки «интегрировать» шорцев в состав единого «алтайского народа», что нашло отражение в некоторых известных работах по этнографии народов Саяно-Алтая (Потанов 1953). Однако, позже за шорцами был признан статус отдельной «народности», о чем свидетельствует сводный том из антологии «Народы мира. Этнографические очерки», посвященный сибирским народам (Левин, Потанов 1956).

Кроме последнего варианта, когда прежде разрозненные локальные тюркоязычные группы, крещенные в православие и известные как «татары», объединялись в более крупные этнические объединения со своими территориальными автономиями (пример хакасов), или же официального присоединения к «титულным» народам (пример т. н. «северных алтайцев»), есть и примеры практически полной ассимиляции в численно преобладающем окружающем населении. Таковой была судьба

православных по вероисповеданию групп западносибирских татар, известных как туринские и обские татары (*Валеев, Томилов 1996: 14*). Христианизация способствовала практически полному обрусению этих локальных групп тюркоязычного населения Западной Сибири.

В постсоветское время этнические процессы, наблюдавшиеся в среде рассматриваемых здесь тюркоязычных народов (с «титულным» республиканским статусом) и этнических групп (многие из которых вообще не имели официального признания), отличались противоречивостью.

Так, если брать Волго-Уральский регион, то здесь общая картина отличается наибольшей неоднозначностью. Ситуация с кряшенами особенно сложна, поскольку явное стремление определенной их части к этническому самоопределению и самостоятельному культурному развитию сталкивается с противодействием со стороны политического истеблишмента Республики Татарстан. Особенно резко эти противоречия проявились во время подготовки к Всероссийской переписи населения 2002 г., когда в орбиту противоречий вокруг кряшенского вопроса оказались так или иначе втянуты ряд официальных лиц от президента Республики Татарстан до Патриарха Московского и всея Руси и президента Российской Федерации (*Соколовский 2004: 62–64*). Подобная ситуация успела породить свои нарративы, касающиеся отстаивания двух основных противоположных позиций по «кряшенскому вопросу». С одной стороны, есть приверженцы точки зрения, согласно которой кряшен следует считать в историческом плане лишь «крещеными татарами», а в настоящее время неотъемлемой частью татарского народа. Всех, кто выступает их за этническое самоопределение, согласно этой позиции, следует считать предателями народа и агентами неких «вражеских сил». Наиболее последовательно в своих публикациях отстаивал эту точку зрения Р. С. Хакимов, недавний директор республиканского Института истории им. Ш. Марджани, бывший советником по культуре при прежнем президенте РТ М. Ш. Шаймиеве (*Хакимов 2002, Хаким 2005*). Известный казанский этнограф-татаровед Д. М. Исхаков в своих работах опять же объединял кряшен с поволжско-татарским этнолингвистическим массивом и классифицировал их в качестве «субконфессиональной общности» в составе казанских татар (*Исхаков 1993: 20*).

В свою очередь апологеты кряшенской самобытности и этнического самоопределения нередко ссылаются на публикации казанского журналиста и энтузиаста-историка М. Глухова (Ногайбека), пытавшегося доказать происхождение кряшен от средневековых тюрк-несториян, полумифических кераитов, мигрировавших на Среднюю Волгу еще в XIII в. (*Глухов-Ногайбек 1993*). Во многом оппонировавшие официальной «хакимовской» линии в отношении проблемы самоопределения кряшен взгляды высказывает в своих публикациях активист Совета ветеранов кряшенского движения города Казани А. В. Фокин (*Фокин 2013*).

Впрочем, в самом кряшенском сообществе и сейчас нет полного единства по поводу выбора своей этнической самоидентификации. Определенная часть данного сообщества, особенно это касается православного духовенства, имеющего соответствующие этнические корни, более склонна видеть в кряшенах совершенно отдельный от татар-мусульман народ. Так, настоятель Тихвинской церкви в городе Казани, о. Павел (Павлов), сыгравший огромную роль в деле возрождения в Татарстане кряшенских православных приходов, утверждал, что предки кряшен познакомились с христианством «даже еще раньше, чем в Киевской Руси» (*Соколовский 2004: 15*).

О схожей позиции по «кряшенскому вопросу» местного духовенства свидетельствуют и мои собственные полевые наблюдения, сделанные за время экспедиционных выездов в Республике Татарстан с 2001 г. по 2016 г.

В то же время среди наиболее активной части кряшенского сообщества представлена позиция, согласно которой кряшены, в принципе, могут представлять собой особую часть «татарского суперэтноса», но со своей конфессиональной спецификой, т. е. быть своего родом «народом в народе» (Дунаева 2008: 262–264). Характерно, что в обоих случаях большая роль придается принадлежности кряшен Православию, как основе их духовной традиции и главному маркеру этнокультурной специфики. Во многом это связано с тем что в регионе Урало-Поволжья исторически сложилось представление о прямой связи между принадлежностью к татарскому народу и мусульманским вероисповеданием. Об этом, в частности, свидетельствуют современные специалисты по кряшенскому фольклору и языку, указывая на то, что и сейчас для старшего поколения кряшен слова «татарин» и «мусульманин» по сути являются синонимами (Соколовский 2004: 20).

Опять же нельзя забывать и о возвращении религии в общественную жизнь России в постсоветскую эпоху. Эта тенденция не могла обойти и Татарстан, где ислам, в свою очередь, стал занимать достаточно важное место в национальной идеологии татар (Амирханов 1994: 20–29). Очевидно, что сохранение кряшенами своей культурной самобытности плохо вписывается в данную идеологическую схему. То же можно сказать и о нагайбаках, для которых характерно восприятие Православия в качестве одной из основ своей этнокультурной идентичности (Белоруссова 2019: 122–123). Во многом поэтому Православие по-прежнему остается столь значимой составляющей этнического самосознания представителей этих двух близкородственных сообществ, ныне пытающихся отстаивать свое самостоятельное развитие.

При всем при этом, исходя из собственных полевых наблюдений и анализа ситуации, могу отметить тот момент, что несмотря на нежелание современными властями Татарстана официально признавать кряшен «отдельным народом», на деле их общественные организации сейчас имеют полную свободу заниматься развитием своего культурного наследия: широко отмечать кряшенские праздники (например, *Питрау*), открывать дома культуры в столице Республики (это прежде всего Культурный центр им. Я. Емельянова). Строятся новые церковные приходы в кряшенских селениях и отдельных городах Татарстана. От представителей духовенства приходилось слышать слова насчет того, что, мол, «при Минниханове вообще лучше стало отношение» (ПМА 2016).

Иначе складывалась в постсоветское время судьба нагайбаков, прежде официально считавшихся этнической (исторически этносословной) группой татар Волго-Уралья. Нагайбаки, проживающие на территории Челябинской области, добились для себя статуса коренного малочисленного народа еще в 1993 г. (Белоруссова 2019: 73), заявив т. о. как об особом, отдельном от татар, этническом сообществе. Успешность их самоопределения, судя по всему, объясняется именно территориальным фактором (проживание в Челябинской области), который предопределил их независимость от татарстанской этнократии, не располагавшей рычагами воздействия на нагайбакское население в силу известных административно-управленческих причин.

Статус отдельных коренных малочисленных народов РФ в постсоветское время получили кумандинцы, телеуты, тубалары (последние все же часто идентифициру-

ются как «алтайцы»), прежде считавшие лишь этническими группами «северных алтайцев» (Тюркские народы Сибири 2006: 9). Из этого можно сделать вывод, что проект создания единого алтайского народа состоялся не в полной мере. Причины названной ситуации не до конца ясны, их еще предстоит анализировать исследователям современных этнических процессов. По крайней мере тут можно констатировать тот факт, что общеалтайская этническая идентичность по тем или иным причинам оказалась неактуальной для вышеназванных малочисленных тюркоязычных народов.

Современный хакасский народ представляет собой пример успешной консолидации разрозненных этно-локальных групп в единый народ с «титულным» республиканским статусом — в 1991 г. Хакасия, бывшая до этого времени «национальной» автономной областью, получила статус республики в составе Российской Федерации (Функ, Томилов 2006: 621). Современные исследования подтверждают высокую степень устойчивости единой хакасской этнической идентичности у представителей данного сообщества (Функ, Томилов 2006: 534–535, 629). Причины успешности такого рода конструирования «новой», изобретенной уже в начале XX в., идентичности в среде «крещено-татарского» населения Минусинского края и, напротив, «возрождения» кумандинцев, телеутов, отчасти тубаларов еще только ждут специального исследования. В настоящей статье можно лишь поставить этот вопрос, который должен быть актуальным для этнологов.

При этом самоназвание «татары» продолжает применяться представителями данных этнических сообществ саяно-алтайского региона в быту. В качестве примера тут можно привести телеутов (Батьянова 2007: 187–195). То же самоназвание («тадар» на местном языке) используется современными шорцами (Функ 2005: 15). Точно так же называют себя на родном языке представители хакасского народа (Функ, Томилов 2006: 533).

В данном случае важно указать на то, что в местном контексте этноним «тадар» (татарин) свободен от какого-либо религиозного подтекста или привязки, в отличие от ситуации, исторически сложившейся в Урало-Поволжье, о чем уже говорилось выше. С последним моментом связано известное неприятие таких терминов как «крещеные татары» или «татары-кряшены» многими представителями кряшенского этнического сообщества (См. Севастьянов 2018а). В свою очередь для рассматриваемых здесь тюркских сообществ Саяно-Алтайского региона (в чьих религиозных представлениях Православие нередко соседствует с элементами шаманства, анимизма и т. п.), этноним «тадар» служит лишь специфическим обозначением самих себя как коренных жителей эти мест со своим языком и обычаями, не относящихся к числу русских. Последних некоторые народы саяно-алтайского региона (например, шорцы) на своем языке обозначают словом «казак» (Арбачакова, Рожнов 2010: 421). Т. о. можно сделать вывод что в случае народов Саяно-Алтая самоназвание «тадар» (татарин) и такие официальные по своему характеру этнонимы как «шорцы», «телеуты», «хакасы» не носят характера какой-либо взаимной противоречивости. Причиной тому является отсутствие в данном регионе (северная часть Алтая, Минусинский край) фактора соперничества христианства с какой-либо из других мировых религий, мирное и постепенное принятие православия местными тюркоязычными народами. Более того, крещение в православную веру скорее даже способствовало сохранению их этнической самобытности. Как пример можно привести телеутов, часть которых (т. н. «калмаки»), приняв мусульманство в XVIII в., утра-

тили к настоящему времени телеутскую идентичности и фактически стали частью сибирско-татарской этнолингвистической общности (Функ 2005: 11).

Несколько иная ситуация наблюдалась в Урало-Поволжском регионе где соперничество христианства с исламом отмечается по крайней мере с позднего Средневековья и вплоть до Нового времени. Все это отразилось на этноконфессиональной идентичности кряшен и нагайбаков, чьи предки, волею исторических судеб оказались на линии соперничества между двумя мировыми монотеистическими религиями. При этом отдельные отголоски этого противостояния иногда дают о себе знать и в настоящее время. Можно вспомнить о таком инциденте как признанная Генеральной прокуратурой РФ терактом серия поджогов православных храмов в кряшенских селах Татарстана в 2017 г. Виновными в этих преступлениях были признаны татарстанские исламисты-радикалы (См. Севастьянов 2018).

В заключении этого краткого обзора «кряшенского вопроса» в контексте его взаимосвязи с проблемами самоопределения других тюркоязычных (по преимуществу) народов, так или иначе ассоциировавшихся с «крещеными татарами», следует сказать несколько слов о влиянии государственной национальной политики на рассматриваемые здесь этнические процессы. Примечательно, что несмотря на централизованный характер советской национальной политики и единую идеологическую направленность, постсоветские изменения и трансформации показали, что в разных регионах страны она привела к несходным между собой результатам. Конструирование и институционализация новых «национальных» сообществ и объединение не столь многочисленных этнических (этноконфессиональных) групп в результате дала разные плоды в ряде автономий и автономных республик, расположенных на территориях от Южной Сибири до Среднего Поволжья. Как было показано выше на конкретных примерах, живое развитие этнических идентичностей в результате отнюдь не всегда желало двигаться в русле официально одобряемых и поддерживаемых направлений развития. Особо показателен в этом ряду пример кряшен, проблема самоопределения которых оказалась в центре внимания широких общественных и политических кругов во время подготовки Всероссийской переписи населения 2002 г. В то же время есть и обратные примеры, с успешным завершением консолидации прежде разрозненных этнических групп в единый народ.

Все эти вопросы требуют более углубленного и пристального исследования. В данной статье сделана попытка постановки самой проблемы и выдвижения самых общих гипотез. В качестве одного из объяснений можно привести конфессиональный фактор, по-разному действовавший в Урало-Поволжье и в саяно-алтайском регионе. Свою роль тут мог сыграть и собственно территориальный фактор, предопределивший отдаленность труднодоступность северного Алтая и Саян. Довольно темным остается вопрос об укорененности и степени влияния т. н. этнократий в различных национальных республиках Российской Федерации. Но все это пока остается лишь общими догадками и предположениями.

Кроме того, данный этнографический материал может помочь по-новому осмыслить такие теоретические направления в социальной антропологии (этнологии) как, например, *инструментализм*, отдающий приоритетную роль в формировании национальных (этнических) идентичностей политическим элитам. Насколько универсальны могут быть такого рода теоретические направления в своем применении? В этой связи немаловажным представляется новое прочтение *историзма* как фунда-

ментального научного метода, поиск подходов к встраиванию его в контекст современных концепций гуманитарного знания.

Источники и материалы

- Всероссийский 1921 — Всероссийский рабоче-крестьянский и красноармейский съезд крышен (1; 1920; Казань): Протоколы. Казань, Театр. крышенск. изд-во, 1921. 59 с.
- Всесоюзная перепись 1926 — Всесоюзная перепись населения 1926. Т. IX. РСФСР. М.: б. и. 1928. 332 с.
- ПМА 2016 — Полевые материалы автора, РТ, Пестречинский р-н, с. Кряш-Серда, 2016.

Научная литература

- Амирханов Р.* Ислам и национальная идеология татарского народа // Исламо-христианское пограничье: Итоги перспективы изучения. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994. С. 20–29.
- Арбачакова Л. Н., Рожнов С. П.* (ред.) Фольклор шорцев. В записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов. Новосибирск: Наука, 2010. 599 с.
- Атнагулов И. Р.* Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск: б. и., 2105, 217 с.
- Батьянова Е. П.* Род и община у телеутов в XIX–начале XX века. М.: Наука, 2007. 395 с.
- Белоруссова С. Ю.* Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь Том XXXII. СПб.: Типография акц. общ. Издательское дело, Брокгауз-Ефрон, 1901, 479 с.
- Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1985. 828 с.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с.
- Глухов-Ногайбек М.* Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993, 285 с.
- Григорьев Д.* Зовите нас крещеными // Известия по казанской епархии. 1906. VIII. С. 450–454.
- Дунаева Т. Г.* Кряшеноведение. Библиографический указатель. Казань: Издательство КГУ-КИ, 2008. 282 с.
- Елисеев Е.* Учреждение противомусульманской миссии в Тобольской епархии. Санкт-Петербург: Книговед. 1902. 20 с.
- Илизарова В. В.* Кряшены: факторы формирования этнокультурной идентичности: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07.00.07. Москва: б. и., 2013, 22 с.
- Исхаков Д. М., Мухаметшин Ю. Г., Сулова С. В., Уразманова Р. К., Халиков Н. А.* Нагайбаки // Большая российская энциклопедия. Том 21. М.: Научное издательство БРЭ, 2012. С. 624. <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800874?ysclid=19dwpehnot62610072> (дата обращения: 18.10.2022)
- Казьмина О. Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М.: Изд-во МГУ, 2009. 153 с.
- Клейн Л. С.* История антропологических учений. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2014. 743 с.
- Левин М. Г., Потапов Л. П.* (ред.) Народы Сибири. Москва — Ленинград, Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
- Никольский Н. В.* Крещенные татары: статистические сведения за 1911 год. Казань, 1914. 58 с.
- Попова Е. В.* Бесермяне: Краткий историографический обзор. // О бесермянах. Ижевск, б. и., 1997. С. 3–18.
- Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. Москва — Ленинград, Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. 444 с.

- Радлов В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Севастьянов И. В. Кряшенский вопрос в Татарстане и проблема этнической толерантности // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). <http://www.novsu.ru/file/1450180> (дата обращения: 28.07.2022).
- Севастьянов И. В. (а) Этнокультурная идентичность кряшен в сравнительном контексте: историко-этнографическое исследование молькеевской и заказанской этнографических групп. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. М.: б. и., 2018. 22 с.
- Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИЭА РАН, 2004. 247 с.
- Стёпин В. С. Философская антропология и философия культуры: избранное. М.: Академический проект. Альма Матер, 2015. 242 с.
- Уилбер Кен. Краткая история всего. М.: АСТ Астрель, 2009. 476 с.
- Уразманова Р. К., Халиков Н. А. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань: ИЯЛИ, 1993. 172 с.
- Фокин А. В. Кряшены — судьба моя. Эпизоды истории, теории и практики кряшенского национального движения. Казань: Типография Interpress+, 2013. 203 с.
- Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Функ Д. А., Томилов Н. А. (ред.) Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. 678 с.
- Хаким Р. С. Метаморфозы духа: к вопросу о тюрко-татарской цивилизации. Казань: Идел-Пресс, 2005. 300 с.
- Хакимов Р. С. Кто ты, татарин? Очерки. Казань: Мастер лайн, 2002. 47 с.

References

- Amirkhanov R. 1994. Islam i nacional`naya ideologiya tatarskogo naroda. [Islam and the national ideology of the Tatar people]. In *Islamo-xristianskoe pogranich`e: Itogi perspektivy` izucheniya* [The Islamic-Christian Frontier: A Summary of a Study Perspective], ed. by Ya. G. Abdullin. Kazan: Institut iazyka, literatury i iskusstva imeni G. Ibragimova Akademiji Nauk Respubliki Tatarstan. 20–29.
- Arbachakova, L. N. and S. P. Rozhnova. 2010. *Fol`klor shorcev. V zapisyax 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 godov* [Folklore of the Shors. In the records of 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007]. Novosibirsk: Nauka. 599 p.
- Atnagulov I. R. 2015. *Identichnosti nagajbakov: genezis, struktura, dinamika. Chelyab* [Nagaybaks' identities: genesis, structure, dynamics]. Cheliabinsk. 217 p.
- Bat`yanova, E. P. 2007. *Rod i obshhina u teleutov v XIX–nachale XX veka* [Clan and community among the Teleuts in the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Nauka. 395 p.
- Belorussova, S. Y. 2019. *Nagajbaki: dinamika e`tnichnosti*. [Nagaybaks: Dynamics of Ethnicity]. Saint-Petersburg: Muzej Antropologii i Etnografii RAN. 424 p.
- Brokgauz, F. A. and I. A. Efron. (1901) 2001. *E`nciklopedicheskij slovar`*. Vol. XXXII. [Encyclopedic Dictionary. Volume XXXII]. Saint-Petersburg: Tipografiya akcz. obshhestva Izdatel`skoe delo, Brokgauz-Efron. 479 p.
- Bruk, S. I. 1985. *Naselenie mira. E`tnodemograficheskij spravochnik*. [World population. Ethno-demographic guide]. Moscow: Nauka. 828 p.
- Bourdieu, P. 2001. *Prakticheskij smy`sl*. [Practical Reason] Saint-Petersburg: Aleteya. 562 p.
- Dunaeva, T. G. 2008. *Kryashenovedenie. Bibliograficheskij ukazatel`* [Kryashen studies. Bibliographic index] Kazan`: Izdatel`stvo Kazanskij Gosudarstvennij Universitet Kul`turi i Iskusstva. 282 p.
- Eliseev, E. 1902. *Uchrezhdenie protivomusul`manskoy missii v Tobol`skoj eparkhii*. [Establishment of an anti-Muslim mission in the Tobolsk diocese]. Saint-Peterburg: Knigoved. 20 p.

- Fokin, A. V. 2013. *Kryasheny` — sud`ba moya. E`pizody` istorii, teorii i prktiki kryashenskogo nacional`nogo dvizheniya*. [Kryashens are my destiny. Episodes of the history, theory and practice of the Kryashen national movement]. Kazan`: Tipografiya Interpress+. 293 p.
- Funk, D. A. 2005. *Miry` shamanov i skazitelej: kompleksnoe issledovanie teleutskix i shorskix materialov* [The worlds of shamans and storytellers: a comprehensive study of Teleut and Shor materials]. Moscow: Nauka. 398 p.
- Funk, D. A. and N. A. Tomilov (eds.). 2006. *Tyurkskie narody` Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka. 678 p.
- Glukhov-Nogajbek, M. 1993. *Sud`ba gvardejcev Seyumbeki* [The fate of the Seyumbeki guards] Kazan`: Vatan. 285 p.
- Grigor`ev, D. 1906. Zovite nas kreshhenami. [Call us kryashens]. *Izvestiya po Kazanskoj eparxii VIII*: 450–454.
- Ilizarova, V. V. 2013. *Kryasheny`: faktory` formirovaniya e`tnokul`turnoj identichnosti* [Kryashens: factors of formation of ethnocultural identity]. Moscow. Ph.D. diss. abstract, Moscow State University. 22 p.
- Iskhakov, D. M., Yu. G. Mukhametshin, S. V. Suslova, R. K. Urazmanova, and N. A. Khalikov, 2012. Nagajbaki [Nağaybäks]. In *Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya*. Vol. 21. Moscow: Nauchnoe izdatel`stvo Bol`shaja Rossijskaja Enciklopedija. P. 624. <https://bigenc.ru/ethnology/text/2800874?ysclid=19dwpehnot62610072> (accessed: 18.10.2022).
- Kaz`mina O. E. 2009. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov` i novaya religioznaya situaciya v Rossii* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Russia]. Moscow: Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta. 153 p.
- Khakim, R. S. 2005. *Metamorfozy` duxa: k voprosu o tyurko-tatarskoj civilizacii* [Metamorphoses of the spirit: to the question of the Turko-Tatar civilization.] Kazan`: Idel-Press. 300 p.
- Khkimov, R. S. 2002. *Kto ty`, tatarin? Ocherki* [Who are you, Tatar? Essays] Kazan`: Master lajn. 47 p.
- Klejn, L. S. 2014. *Istoriya antropologicheskix uchenij*. [History of anthropological teachings] Sankt-Petersburg: Izdatel`stvo Saint-Peterburgskogo universiteta. 743 p.
- Levin M. G. and L. P. Potapov. 1956. *Narody` Sibiri* [Peoples of Siberia] Moscow — Leningrad: Izdatel`stvo Akademiji Nauk SSSR. 1088 p.
- Nikol`skij, N. V. 1914. *Kreshheny`e tatary`: statisticheskie svedeniya za 1911 god* [Baptized Tatars: statistical information for 1911]. Kazan`. 58 p.
- Popova E. V. 1997. Besermyane: Kratkij istoriograficheskij obzor [Besermyans: A Brief Historiographical Review]. In *O besermyanax* [About Besermyans], ed. by G. K. Shklyev. Izhevsk. 3–18.
- Potapov, L. P. 1953. *Ocherki po istorii altajcev* [Essays on the history of the Altaians]. Moscow — Leningrad: Izdatel`stvo Akademiji Nauk SSSR. 444 p.
- Radlov, V. 1989. *Iz Sibiri: stranicy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. Moscow: Nauka. 749 p.
- Sevast`yanov, I. V. 2018a. *E`tnokul`turnaya identichnost` kryashen v sravnitel`nom kontekste: istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie mol`keevskoj i zakazanskoj e`tnograficheskix grupp* [Ethnocultural Identity of the Kryashens in a Comparative Context: A Historical and Ethnographic Study of the Molkeevo and Zakazan Ethnographic Groups]. Moscow. Ph.D. diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 22 p.
- Sevast`yanov, I. V. 2018. Kryashenskij vopros v Tatarstane i problema e`tnicheskoj tolerantnosti [The Kryashen issue in Tatarstan and the problem of ethnic tolerance]. *Ucheny`e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* 3 (15). <http://www.novsu.ru/file/1450180>
- Sokolovskij, S. V. 2004. *Kryasheny` vo Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda* [Kryashens in the 2002 All-Russian Population Census.] Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN. 247 p.

- Styopin, V. S. 2015. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury` izbrannoe* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture: Selected Works]. Moscow: Akademicheskij proekt. Al'ma Mater. 242 p.
- Uilber, Ken 2009. *Kratkaya istoriya vsego* [A Brief History of Everything]. Moscow: AST, Astrel`. 476 p.
- Urazmanova R. K. and N. A. Khalikov 1993. *E`tnograficheskie gruppy` tatar Volgo-Ural`skogo regiona (Principy` vy`deleniya, formirovanie, rasselenie i demografiya)* [Ethnographic groups of the Tatars of the Volga-Ural region (Principles of identification, formation, settlement and demography)]. Kazan`: Institut jazika i literaturi. 172 p.
- Valeev F. T. and N. A. Tomilov 1996. *Tatary` Zapadnoj Sibiri: istoriya i kul'tura* [Tatars of Western Siberia: history and culture]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.